

УДК 81'42(045)

*Т.С. Привалова***МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ В «ОЧЕРКАХ РУССКОЙ СМУТЫ»
А.И. ДЕНИКИНА**

В статье анализируются метафорические образы России в «Очерках русской Смуты» А.И. Деникина. По своей тематике и стилевой принадлежности очерки находятся на пересечении двух дискурсов – военно-политического и публицистического. Используя метафоры испорченного механизма, разрушенного здания, больного, умирающего организма, автор описывает происходящее в России в период революционных событий, отрицательно оценивает реальность, эмоционально воздействует тем самым на читателя. Россия представляет собой объект (здание, тело, машина), на который оказывают воздействие внешние силы (революция, новая политическая власть). Метафора выполняет следующие функции: когнитивную (способ категоризации мира), коммуникативную (средство передачи информации), прагматическую (средство формирования у читателя определенного эмоционального состояния) и эстетическую (как средство образности).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, метафорическая модель, дескрипторы, военно-политический дискурс, публицистический дискурс.

«Очерки русской смуты» представляют собой историко-биографические мемуары одного из лидеров белого движения, генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина. В них автор пытается описать революционные события, явившиеся причиной крушения Российской империи, а также события гражданской войны, охватившей страну в период с 1917 по 1920 гг. Очерки находятся на пересечении двух дискурсов – военно-политического (по своей тематике) и публицистического (по своему стилевому характеру).

Являясь по своему жанру очерком, труд А.И. Деникина в полной мере отражает все особенности публицистического текста: насыщенность социальной информацией, не только описание событий, но и попытка их типизации, анализа, оценки. Автор широко использует художественные средства для создания военно-политической картины того времени: метафоры, сравнения, различные стилистические приемы, фразеологизмы.

Соприкасаются очерки по своей тематике и с военно-политическим дискурсом. А.И. Деникин был действующим генерал-лейтенантом, непосредственным свидетелем того, что происходило на полях боевых действий и в революционном Петрограде. Именно поэтому основные темы, волнующие его, – разложение армии, происходящее по причине неправильных действий новых политических лиц, пришедших к власти, что, в свою очередь, привело к революции и разложению народа, гибели страны. В тексте встречается большое количество военно-политической лексики, упоминаются известные исторические лица того времени – политики, военные деятели, революционеры.

Повторимся, что «Очерки русской Смуты» А.И. Деникина писались в кризисный период, когда Россия переживала невиданного размаха революционные события, начиная с февраля 1917 г. Они включают в себя и личные воспоминания, и официальные документы, и попытку анализа революции и «смутного» времени. Именно в таких аналитических местах и появляется большое количество метафор и метафорических описаний. Голландская исследовательница К. де Ландсхеер выдвинула гипотезу о метафорах как показателях кризисности, заключающуюся в установлении корреляций между частотой использования в политическом дискурсе метафор и периодом кризисов. Несомненно, метафора выступает здесь способом структурирования и упорядочивания нового, еще непонятного знания о действительности. Как отмечает А.Н. Баранов, «использование политических метафор особенно интересно с той точки зрения, что метафора, будучи не только принадлежностью языка, но и феноменом мышления, позволяет выявить способы осмысления политической ситуации, характерные для данного дискурса и для данных политических субъектов» [1: 10]. Мы полагаем, что автор «Очерков» не случайно широко прибегает к метафоре, пытаясь описать сложившуюся ситуацию, в которой оказалась Россия в периоды Февральской и Октябрьской революций. В тексте появляются развернутые метафоры **РОССИЯ – ЭТО РАЗРУШЕННОЕ ЗДАНИЕ**, **РОССИЯ – ЭТО ИСПОРЧЕННЫЙ МЕХАНИЗМ** и **РОССИЯ – ЭТО БОЛЬНОЙ, УМИРАЮЩИЙ ОРГАНИЗМ**. Прежде чем проанализировать их, кратко представим некоторые важные для нас положения по теории метафоры.

Метафора как объект исследования художественной литературы, языка, культуры имеет длинную историю своего изучения. Метафорой интересовались еще со времен Аристотеля, который трактовал ее как сокращенное сравнение. Каждое новое направление в лингвистике предлагало свой взгляд на теорию метафоры, обращало внимание на тот или иной аспект ее анализа.

Термин концептуальная метафора впервые появился в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В исследовании «Метафоры, которыми мы живем», которое вышло в 1980 г. и сразу стало необыкновенно популярным среди ученых, авторы высказали новую и неординарную мысль. Метафора – это не «сокращенное сравнение» и не стилистический прием, служащий для украшения речи, это одна из основных ментальных операций, способ структурирования окружающей нас реальности. «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление, действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [3. С. 126]. Таким образом, метафорические понятия способны структурировать нашу повседневную деятельность, то есть формировать наш общественный опыт.

Эту мысль подхватили ученые-когнитивисты, и с середины XX в. началось активное изучение метафоры «как способа создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов» [5. С. 173]. В связи с этим возник большой интерес современных лингвистов к концептуальной метафоре в политической и других видах коммуникации (А.П. Чудинов, А.Н. Баранов, И.М. Кобозева, О.А. Шаова, Ю.Н. Караулов и др.).

В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что наше мышление метафорично. Смысл метафоры как одного из основных способов познания, категоризации, концептуализации и оценки мира состоит в том, что человек, оперируя уже имеющимися данными и пытаясь объяснить нечто новое, проводит параллели между уже хорошо знакомым знанием и неизвестным, малопонятным.

Как отмечает В.А. Маслова, в современных лингвистических разработках «для обозначения данного феномена используются два равнозначных термина – концептуальная метафора и когнитивная метафора. Первый ориентирован на связь с терминами концептуализация и концепт, второй сопряжен с понятием когнитивизма» [4]. Термин «концептуальная метафора» считается более традиционным, так как связан с концепцией Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Итак, под концептуальной метафорой понимается такой способ познания мира, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой, осуществляя определенную классификацию реальности.

А.Н. Баранов разработал стройную структуру анализа концептуальной метафоры, которая лежит в основе его дескрипторной теории. Метафора понимается им вслед за Дж. Лакоффом как «взаимодействие области источника и области цели» [1. С. 40], соответственно выделяется метафорическая модель как тип области источника. Область источника описывается сигнификативными дескрипторами, которые представляют собой лексемы определенной тематики, а область цели структурируется денотативными дескрипторами. Совокупность метафорических моделей образует метафорику определенного дискурса. На наш взгляд, данные термины довольно четко и ясно описывают структуру концептуальной метафоры, поэтому мы будем использовать именно их.

Итак, в тексте «Очерков» встречаются следующие концептуальные метафоры: РОССИЯ – ЭТО РАЗРУШЕННОЕ ЗДАНИЕ, РОССИЯ – ЭТО ИСПОРЧЕННЫЙ МЕХАНИЗМ и РОССИЯ – ЭТО БОЛЬНОЙ, УМИРАЮЩИЙ ОРГАНИЗМ. Рассмотрим их подробнее.

Страна, переживающая нелегкое время революционных перемен, разрушения и ломки старых устоев, представляется автору очерков в ярком образе **больного, умирающего организма**. Данная метафорическая модель появляется на протяжении всего текста, развертываясь и обрастая деталями.

*Но ведь не эти серьезные болезни армейского организма привлекали впоследствии особое внимание революционной демократии. Она не умела и не могла ничего сделать для их **уврачевания**, да и не боролась с ними вовсе. Я, по крайней мере, не знаю ни одной **больной стороны** армейской жизни, которую она **исцелила** бы, или, по крайней мере, за которую взялась бы серьезно и практически* [2. С. 101].

*Но революционная демократия в эту именно **рану влила яд**. Она **поражала** беспощадно самую сущность военного строя, его вечные, неизменные основы, оставшиеся еще непоколебленными: дисциплину, единоначалие и аполитичность* (Там же).

В едином ранее организме постепенно заражаются и умирают те или иные органы (армия, печать, различные институты власти), причем смерть эта, как правило, насильственная (удушение, заражение ядом, паралич):

Общественная мысль и печать были задушены. <...> Общая цензура не уступала в удушении [2. С. 115-116].

Потом долго еще идею 4-ой Гос. Думы или собрания Дум всех созывов, как опоры власти, гальванизировал М.В. Родзянко, пронеся ее через Кубанские походы и «Екатеринодарский добровольческий» период антибольшевистской борьбы...

Но Дума умерла [2. С. 174].

Но заколдованный круг переплетававшихся между собой политических, социальных, классовых интересов, затягивал все более туговую петлю на шею правительства, и парализовал его волю и деятельность [2. С. 212].

Все эти обстоятельства мало-помалу убивали русскую промышленность [2. С. 218].

Соответственно, в тексте присутствует обилие слов-дескрипторов, относящихся к понятийной сфере «смерть» (кладбище, похороны, тлетворный, удушение, яд, кончина, могильщики). Метафорическая модель РОССИЯ – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ разворачивается в тексте с логической последовательностью: в процессе отмирания наиболее важных, существенных органов, предвидится близкая ее кончина, появляются подробные метафорические описания похорон:

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины [2. С. 74].

Что касается категории начальников, неуклонно боровшихся против развала армии, то многие из них, ...независимо даже от предвидения некоторыми того темного будущего, которое уже давало знать о своем приближении тлетворным дыханием разложения, – или по тернистому пути, против течения, считая, что это их долг перед своим народом [2. С. 267].

Наиболее частотным «вариантом» убийства страны выступает отравление. Для автора это прежде всего отравление такой важной части тела, как душа:

Важнейший деятель Германии – страны, так много поработавшей для отравления души русского народа, пришел к позднему сознанию, что «наше моральное падение началось с началом русской революции»... (Там же).

Ибо от Петрограда до Дуная и до Диалы быстро распространялось, росло и ширилось разложение армии. Трудно было в начале революции учесть степень его углубления на разных фронтах, трудно было предвидеть все возможности его влияния на будущие операции. Но уже души многих отравляло сомнение: не напрасны ли все наши соображения, расчеты и усилия... [2. С. 243].

Но ужаснейшее из всех орудий, – когда-либо изобретенных человеческим умом, – постыднейшее из всех средств, допускавшихся в последнюю мировую войну, – это отравление души народа. [2. С. 340].

Душа как часть тела олицетворяет в данном случае некие духовные, моральные качества, которые утрачивает в процессе «отравления» народ. Для А.И. Деникина этот вид смерти страшнее всего – теряются накопленные годами ценности, важные для русской культурной общности, происходит массовое моральное падение. Данная метафора повторяется на протяжении всего текста: отравлена душа, отравлена сама атмосфера, что приводит к удушению и параличу всего «организма» страны:

Такой липкой паутиной идей и мыслей, – глубоко противогосударственных и антинациональных, – опутывала комитетская печать темную солдатскую массу; в такой удушливой атмосфере недоверия, непонимания, извращения всех начал военной традиции и этики, жило несчастное офицерство. [2. С. 339].

Но дни шли, а войска, ранее управлявшиеся приказами и безропотно выполнявшие самые тяжелые задачи – те самые войска, которые своею грудью, без патронов, без снарядов сдерживали некогда стихийное наступление австро-германских масс, – теперь стояли с парализованной волей и помутневшим разумом. [2. С. 249]

Как видно из примеров, Россия представляет собой объект, над которым производят различные действия, приводящие к болезни, отмиранию, в конечном итоге, к смерти. Субъектом в данном случае является сложившаяся в стране политическая ситуация.

РОССИЯ – ЭТО ЗДАНИЕ – еще одна развернутая метафорическая модель, встречающаяся в тексте. Проанализируем отрывок, в котором А.И. Деникин метафорически описывает то положение, в котором оказалась страна:

Россия того периода представляется мне ветхим, старым домом, требовавшим капитальной перестройки. За отсутствием средств, и в ожидании строительного периода (Учр. Собр.), зодчие начали вынимать подгнившие балки, причем часть их вовсе не заменили. Другую подменили лег-

легкими, **временными подпорками**, а третью **надтачали свежими бревнами без скреп** - последнее средство оказалось хуже всех. **И здание рухнуло**. Причинами такого строительства были: первое - **отсутствие целостного и стройного плана** у русских политических партий, вся энергия, напряжение мысли и воли которых были направлены, главным образом, к **разрушению** существовавшего ранее строя. Ибо нельзя назвать практическим планом отвлеченные эскизы партийных программ; они скорее законные или фальшивые **дипломы на право строительства** [2. С. 489].

Россия представляется в образе старого здания, требующего ремонта и перестройки. В терминах строительства описываются действия, которые совершили новые лица, пришедшие к власти («зодчие»). Реформы, которые они начали проводить, сравниваются своей ненадежностью, непродуманностью, халатностью с «временными подпорками», «свежими бревнами без скреп». Отсутствие некоей прочной опоры приводит к разрушению здания, точно так же и действия Временного правительства ведут к разрушению страны, ее старого государственного строя. Причины этого, по мнению автора, кроются в некомпетентности самих новых «строителей», которые имеют в своем арсенале лишь абстрактные лозунги. Отсутствие четкого плана действий, направленность на разрушение старого и спонтанность принятия решений приводят страну к катастрофе.

Еще один метафорический образ России в очерках – это **РОССИЯ как ИСПОРЧЕННЫЙ МЕХАНИЗМ**. Приведем примеры:

*И никакой практической работы: министры по существу не имели ни времени, ни возможности хоть несколько сосредоточиться и заняться текущими делами своих ведомств; и **заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая**, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...* [2. С. 144]

*Между тем, в Ставке жизнь понемногу замирала. Административное **колесо вертелось** по-прежнему; все что-то делали, распоряжались, приказывали. Но из всей этой работы **ушла душа*** [2. С. 400].

В первом примере метафорически представлена работа пришедших к власти новых политиков: «новый привод», как основной элемент механизма, приводящий «машину в движение», не только не двигает «машину» государственного строя, но и мешает ей, вследствие чего машина начинает «кое-как работать». Метафора здесь позволяет автору дать негативную оценку работы новой власти, высказать сомнение в эффективности ее действий.

Второй пример интересен пересечением двух метафор – организма и механизма. Административная работа представляется в тексте как движение по инерции: «колесо вертелось», то есть, на первый взгляд, машина действует исправно. Однако это впечатление обманчиво, это движение бессмысленно, ушла некая действующая сила, «душа», жизнь. И в первом, и во втором случаях метафоры призваны показать, что, хотя внешне сам механизм (политический строй) кажется исправным, с приходом новой власти он теряет свою важную составную часть, деталь и начинает плохо работать.

Частным примером метафоры механизма является метафорический образ **РОССИЯ – ЭТО КОРАБЛЬ**:

*Нет никакого сомнения, что те лица и общественные круги, которые обращались к Керенскому по вопросу о диктатуре, не были его апологетами... Но одно уже это обращение именно к нему доказывает, что они не могли руководствоваться стремлениями к реакции, отражая лишь патристическое желание всей русской общественности, – видеть у **руля русского государственного корабля**, отданного на произвол стихии, сильную власть* [2. С. 194].

Страна сравнивается с кораблем, который попал в бурю (революционные события), и спасти его может только профессиональный рулевой (сильная власть). Ситуация осложняется тем, что корабль не совсем исправен:

*Фактически, у **полусгнившего кормила** власти стал блок из социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков, с явным преобладанием вначале первых, потом последних.* [2. С. 177].

Кормило является основной управляющей, ведущей частью корабля, а в данном случае оно практически не функционирует («полусгнившее»). С помощью данной метафоры автор эмоционально описывает сложившееся положение в стране: Россия представляется кораблем, потерявшим управление, который находится не в спокойной воде, а в буре, в водовороте революционных событий, которые грозят потопить судно. Ситуацию могла бы спасти сильная власть, способная предотвратить гибель страны, но такой власти пока не находится.

Очевидно, что проанализированные выше метафорические модели описывают сходные свойства сложившейся ситуации: во всех случаях речь идет о разрушении (механизма, здания или организма), о возможности скорого уничтожения. Страна представляется объектом (тело, здание, корабль), на который оказывают воздействие различные силы (революция, внешние враги, новая политическая власть), приводящие к тому, что единая ранее страна начинает рушиться, умирать, тонуть. Большое количество негативных метафор (смерти, болезни, развала) указывает на явно отрицательное отношение автора к происходящим событиям. Метафоры выполняют не только когнитивную и коммуникативную функции, но и прагматическую и эстетическую. Автор очерков очень эмоционально, субъективно ведет свой диалог с читателем, высказывая свою личную точку зрения на происходящее. Образы России как больного, умирающего организма, рушащегося здания, тонущего корабля, испорченного механизма создают в тексте общее эмоциональное состояние уныния, отчаяния и краха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и Регион. обществ. фонд «Информатика для демократии». М., 2004. 94 с.
2. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии, февр.-сент. 1917 г. / АН СССР. М.: Наука, 1991. 518 с.
3. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. М.: URSS, 2008. 252 с.
4. Маслова В.А. Теория концептуальной метафоры и ее роль в современных лингвистических исследованиях. URL: <http://lingvodnu.com.ua/arxiv-nomeriv/lingvistika-lingvokulturologiya-2012/teoriya-konceptualnoj-metafor-y-i-eyo-rol-v-sovremennykh-lingvisticheskix-issledovaniyax/> (дата обращения: 8.04.2015).
5. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 173-207.

Поступила в редакцию 20.04.15

T.S. Privalova

METAPHORICAL IMAGES OF RUSSIA IN THE “ESSAY OF RUSSIAN REVOLT” BY A.I. DENIKIN

The metaphorical images of Russia in the “Essay of Russian revolt” by A.I. Denikin are under analysis in the article. This essay is at the border of politico-military and journalistic discourses, according to its subject matter and style. By using the metaphors of a broken mechanism, a destroyed building, a sick person and a dying organism the author describes the events in Russia during the revolts and revolution; evaluates the reality unfavorably, thereby influencing emotionally the reader. Russia represents the object (building, body, and machine), on which external forces (revolution, new political authority) are influencing. The metaphor fulfills the following functions: cognitive (means of world categorization), communicative (means of information transfer) and pragmatics (means of forming certain emotional state of the reader) and aesthetic (means of figurativeness).

Keywords: cognitive linguistics, conceptual metaphor, metaphoric pattern, descriptors, politico-military discourse, journalistic discourse.

Привалова Татьяна Сергеевна, соискатель
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: priv-tanya@yandex.ru

Privalova T.S., applicant
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1
E-mail: priv-tanya@yandex.ru